

Евгения КАРЕЗИНА

ПО СТОПАМ РАСКОЛЬНИКОВА

Как обычно у меня бывает, переживания из-за отъезда из санатория оказались напрасными. Такси приехало вовремя, путь до вокзала занял минут пять. Подивившись крохотности и полустанковой простоте вокзала, странным для известного курорта, я заняла нижнее место в чистеньком плацкартном вагоне. Сидела, подперев рукой голову и, глядя на перрон, гадала, как мне повезёт с попутчиками.

Вскоре появился высокий, слегка лысеющий мужчина лет тридцати пяти. Вежливо поздоровался мягким и приятным голосом. Мягкой казалась и вся его внешность — кругленькие щёки, полноватые плечи, намечающийся животик, осторожные движения между вагонными полками. Разместили вещи, завели ничего не значащий разговор — о холодной весне, о санаториях, где отдыхали. Поговорили о процедурах, сроках путёвок. Между делом сосед сообщил:

— А я только две недели в санатории пробыл. Передал дежурство отцу. Моему сыну, инвалиду детства, каждый год положена бесплатная путёвка на месяц. Вместе с сопровождающим. Только кто мне даст отпуск на такой срок? Работы у нас полно, вся срочная. Вот и меняемся с отцом через две недели. О том, что одному родителю с инвалидом первой группы не справиться, никто

не подумал. Так что на вторую путёвку пришлось раскошелиться самим.

– Сколько же лет вашему мальчику? – боясь показаться бестактной, осторожно спросила я. Он ответил скоро и охотно, радуясь, что можно поделиться горем с попутчицей:

– Одиннадцать недавно стукнуло. Растёт, как положено, ест хорошо. Только полнеет от неподвижности. Всё труднее его поднимать, даже на коляску переваливать.

– Как, совсем без движения? И давно это у него? А как речь, вообще развитие?

– С рождения. Не владеет ни руками, ни ногами. Не говорит. Ничего не понимает, – мужчина рассказывал спокойно. Было видно, что он сроднился со своей болью.

Он ненадолго замолчал, прищурился, вглядываясь в пространство перед собой, словно пытаясь рассмотреть день, когда на него обрушилось несчастье, и заговорил снова – медленно и тихо:

– Я не хотел убивать врача, собирался только отрубить ему руки. Чтобы он никогда не смог работать, никогда не прикоснулся к ребёнку, ни к своему, ни к чужому. Когда я сказал об этом жене, она почти не удивилась. Только чуть побелели косточки пальцев, сжимавших баночку с присыпкой. Ира поставила порошок на тумбочку, положила мне руки на плечи и взглянула в глаза:

– Не делай этого. Ты понимаешь? Что от этого изменится? Да, этот горе-медик покалечил нашего сына. Да, он останется безруким. А тебя посадят в тюрьму, и я останусь одна с малышом. Ты погубишь не только себя, но и его! Ты думаешь только о себе? Подумай о нём! Он, какой бы ни был, – наш сын. Мы его ждали и любили! А если Бог накажет тебя, и мы никогда не встретимся на небе? Никогда не увидим нашего мальчика таким, каким его задумал Бог!

Я посмотрел на туристический топорик, маленький, но увесистый, который я хотел незаметно пронести в больницу. Конечно, Ира была права. Не мог я себе позволить наказать этого урода. Она у меня такая рассудительная, к тому же верующая. Сам я к этому равнодушен, но и против ничего не имею.

– А вы уверены, что это из-за врача? – поинтересовалась я.

– Ещё бы! Беременность у Ира протекала благополучно, УЗИ показало, что будет мальчик. Как я ему радовался! От первого брака у меня есть дочь, но после развода она осталась с матерью. Встречаемся часто, ез-

дим, когда получается, в другие города на экскурсии. Но сын – это совсем другое. Я ему мечтал передать свои таланты. Думал, будет великим математиком или шахматистом, как я мечтал когда-то. А стал вот оценщиком недвижимости. Нужда заставила. Семья с первого раза тоже не сложилась. Чего жене не хватало, не знаю? Была недовольна моей зарплатой, хотя она у меня выше средней, в разы больше, чем у неё. Квартира была, машина, у родителей дача. Не пил, не курил, слова ей грубого не сказал. А всё недовольна! При разводе попыталась отсудить у меня бабушкину квартиру, но мама быстро поставила её на место. Она у меня волевая, со связями, когда-то работала в мэрии.

Эта семейная история показалась мне смутно знакомой. В фильме «Экипаж», помнится, было такое же раздражение жены на мужа. Да что далеко ходить, у меня мать к отцу относилась примерно так же, хоть и терпела. В старости сама себе удивлялась, что же её в отце так не устраивало?

– Доходила жена срок, как положено, – продолжал попутчик, – 19 июня отошли воды (я уже знал, что это значит) и начались схватки. День был субботний, мы собрались, я на машине отвёз Иру в самый новый, самый лучший роддом. Отпустил свою дорогу, как думал, за счастьем. Оказалось – за бедой. Сестра в регистратуре записала мой телефон и посоветовала отправляться спать, поскольку роды первые, до утра вряд ли мамочка управится. А если что, она мне позвонит.

Спал я, конечно, в ту ночь условно, к пяти часам уже сидел на лавочке перед регистратурой. Смотрел то на стрелки часов, то на плакат о питании беременных. Дежурная, улыбаясь не так любезно, как вчера, объявила, что новостей для меня ещё нет. Мимо меня, спотыкаясь об мои ноги, прошли врачи и медсёстры с дежурства. Это меня не обрадовало – значит, передадут моих по смене.

Наконец у дежурной загремел телефон. Она сняла трубку, по её лицу я понял, что случилось страшное. Пряча глаза, она сообщила, что ребёнок родился с патологией и отправлен в перинатальный центр. На все вопросы только пожимала плечами и отводила глаза. Я позвонил матери, она охнула и сказала, что сейчас же приедет и разберётся.

Я не дождался и потребовал встречи с врачом, который принял роды. Немолодой такой мужчина, борода, как у Чехова. Глаза усталые. Он мне объяснил, что роды задер-

жались, у ребёнка началась гипоксия – кислородное голодание. Последствия могут быть самыми тяжёлыми.

– Какими? – закричал я.

– Смотря какие части мозга повреждены. Это может сказаться и на мыслительных функциях, и на двигательных.

– А что, нельзя было ускорить роды? – спросил я.

– Вопрос не ко мне, – пожал плечами доктор. – К моему сменщику. Я сразу дал роженице стимуляцию. Но тут есть несостыковка в инструкциях, сколько времени можно оставлять ребёнка в матке после отхождения вод. По моему опыту, чем меньше, тем лучше.

Из коридора появилась грузная пожилая санитарка и позвала доктора в палату. Он поспешил туда, явно был рад, что разговор закончился. Я попросил санитарку задержаться, сунул ей в карман розовую бумажку и спросил, что она знает о родах моей жены.

– Что знаю? Угробили дитё, варвары! Привезли мамашу не вовремя, вкололи ей нефидипина, чтоб не рожала до утра. Гулять им хотелось.

– А этот нефидипин... для чего?

– Чтобы матка не сокращалась. Для задержки родов! Его колют при угрожающих выкидышах. А вчера праздник был...

– Какой ещё праздник?! – я не мог поверить, что моего ребёнка искалечили, чтобы погулять на вечеринке.

– Ты чё, не знаешь? День медика!

Подъехала моя мамочка. Я заметил, какие у неё бледно-голубые губы и жёлто-серые волосы на висках. Разметав медперсонал, она ворвалась в кабинет главврача. Я еле успевал за ней, держась за руку. В кабинете с дубовыми панелями и целой оранжереей растений нам навстречу из-за длинного стола поднялся Главный. Явно уже построенный людьми из мэрии, он прогибался чуть не до земли. Мама спросила его прямо: что с ребёнком?

Врач заюлил, начал с того, что мать чувствует себя хорошо...

– Не о ней речь, – прервала его мама. – Что с мальчиком?

Доктор вздохнул так глубоко, словно захотел нырнуть на самое дно океана:

– Из Центра сообщили – повреждения мозга обширные. В обеих долях.

– Но как-то же можно их восстановить? – мама вдруг растеряла весь свой напор.

– Увы, медицина здесь бессильна, – врач юлил, как мог. – Собственно, восстанавливаться там нечему. Мозг у него как бы даже проснуться не успел...

– Но должен же быть какой-то выход?...

– Могу предложить для мальчика лучший интернат. Прекрасные специалисты, идеальный уход.

Я послал главного так далеко, что даже мама онемела от удивления, какие слова, оказывается, знает её сын. Но не сделала мне замечания.

Через месяц мальчика привезли домой и разместили в нарядной детской, в кровати под кружевной занавеской. Жена окрестила его Кириллом, в честь патриарха. Может, надеялась, что произойдет чудо, у сына проснётся разум... Мать пыталась добиться наказания для врача, но ей сообщили на бланке со штампом, что врач вроде и виноват, а вроде и нет, инструкция такая нечёткая. Но его всё-таки наказали – лишили премии.

Ни днём, ни ночью меня не отпускала мысль о том, что этот лекарь изуродовал моего сыночка и даже внимания на это не обратил. Ребёнок, да и мы все для него – издержки производства. И тогда я нашёл в кладовке туристический топорик, спрятал его под кровать... Остальное вы знаете.

После этого мама так сдала, что работать больше не может, мучится давлением и стенокардией. Вот так и живём уже одиннадцать лет. Трое ведущих и двое ведомых, как говорит отец. Он у меня бывший лётчик. Ничего, справляемся пока.

У меня сжалось сердце. «Пока... А что будет дальше, когда дедушка начнёт слабеть? Или малодушные мысли накроют – почему им, здоровым, разумным, отдавать жизнь ради ребёнка, который не оценит их жертвы?»

Словно отвечая на мои мысли, отец сказал:

– А знаете, нам иногда кажется, что он многое понимает. Следит глазами за солнечным лучом, улыбается канарейке...

В Ростове в наше купе села девушка, молодая и яркая. На мой взгляд, всего у неё было как-то слишком. Рост не меньше ста восьмидесяти, длинные ноги в модных сапогах, чёрное пальто поверх кружевного платья. Смазливое накрашенное личико украшали антрацитовые накладные ресницы, пышный хвост такого же цвета мотался в такт покачиванию вагона. Её провожал мо-

лодой человек, бледный и плюгавенький, но одетый фирменно – в кашемировое пальто с длинным шарфом и мокасины невероятного кобальтового цвета.

Попрощавшись с ним невесомым поцелуем, девушка уселась поближе к столику и приступила к ужину из «Макдональдса». Расправившись с огромным окорочком, пакетом картошки-фри и напитком ядовитого цвета, она и предложила нам семечек. Семечки были крупные и свежеподжаренные, такие аппетитные, что даже я, небольшая их любительница, склевала несколько штук.

Девушка оказалась распространительницей косметики, да не из простых, а ответственной за снабжение целой области. Обсуждение снадобий заняло минут двадцать. Мой попутчик явно смотрел на пассажирку с восхищением, было видно, что его всё ещё манят к себе обычные радости жизни. А я прикрыла глаза и отстранённо слушала, как попутчики обсуждают Москву, новые развлечения, парки, распродажи. Потом улеглась на полку, задёрнула пластиковую шторку и задремала под стук колёс.

В Москве девушку встретил кавалер, похожий на ростовского, как близнец, только шарф у него был покороче, а мокасины обычные, тёмно-рыжие. Девушка кивнула нам антрацитовый головкой и упорхнула за ним. Мой попутчик вздохнул не слишком тяжело и, собрав сумку и рюкзак, отправился на другой вокзал, чтобы сесть на поезд до своего города, где ему предстояло продолжать уже привычный подвиг.